

НАТАЛЬЯ АНДРЕЕВА

Серия «Сто солнц в капле света»

•

Бездна зовет к бездне

•

Влюбленные безумны

•

Мы поем глухими (new)

НАТАЛЬЯ АНДРЕЕВА

МЫ ПОЕМ ГЛУХИМ

Роман

АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А65

Дизайн обложки *Екатерины Фerez*

Андреева, Наталья.

А65 Мы поем глухим. Сто солнц в капле света /
Наталья Андреева. — Москва : АСТ, 2015. — 320 с.

ISBN 978-5-17-089259-4

Париж — законодатель моды и стиля. В нем сложно оказаться незаметной, даже если ты прячешься под черным платьем вдовы. Бурная светская жизнь, интриги и дух свободы, который вот-вот превратится в Великую Французскую революцию.

Александра приехала сюда, чтобы найти любимого человека. Ее сердце занято только им, этим женатым мужчиной, дуэлянтом, любимцем женщин и игроком! Но сердцу ведь не прикажешь!

Кажется, все ангелы наконец-то собрались, чтобы помочь этой красивой несчастной женщине: в нее влюбился самый богатый и знатный мужчина, она держит самый модный салон и наконец-то находит своего любимого. Но в очередной раз в ее судьбу вмешивается проклятье камня «Сто солнц в капле света».

А может быть, это всего лишь предрассудки и каждый идет к своему счастью тем путем, который выбрал сам?!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Андреева Н., 2015

ISBN 978-5-17-089259-4

© ООО «Издательство АСТ», 2015

Париж

Глава 1

Эта осень в Париже выдалась такой холодной и дождливой, что главное событие сезона осталось незамеченным. Спустя некоторое время всем стало понятно, с какого именно момента скука, царящая в великосветских салонах, сменилась ожиданием, а потом нетерпением. Что-то должно было случиться, что-то из ряда вон, как говорится, *за рамками приличия*.

Но в тот дождливый пасмурный день Париж еще не знал, что становится театром, на подмостках которого разыгрывается очередная драма в духе Уильяма Шекспира, распалюющая фантазию и разжигающая воображение. Драма, о которой долго еще будут вспоминать, смакуя скандальные подробности и обсуждая неожиданные поступки главных ее героев.

Сезон начался раньше обычного, уже в середине октября намерзшая и вымокшая под непрерывными ливнями парижская знать потянулась на зимние квартиры — согреться телом и душой. Поскольку вернуться в столицу раньше ноября считалось дурным тоном, все сделали вид, что их просто-напросто здесь нет. И принимали исключительно людей своего круга, и то лишь самых близких друзей и родственников, которые также томились скукой в ожидании театральных пре-

* «Мы поем глухим» (лат.)

мьер и зимних балов. Официального открытия у сезона не было, так что, в целом, все было вполне пристойно.

В тот октябрьский вечер, с которого все и началось, к особняку на улице Кассет подъехала карета, из которой вышла дама в трауре, закутанная с ног до головы так, чтобы никто не смог разглядеть ни ее лица, ни приятные округлости фигуры. Было совершенно непонятно, хороша она или дурна, молода или, напротив, преклонного возраста? Ясно было одно: дама эта принадлежит к высшему обществу. Как бы ни старался человек скрыть положение, которое он занимает, есть вещи, которые неизменно его выдают. Привычка к светской жизни на все накладывает отпечаток, избавиться от этого невозможно и забыть, кем ты был когда-то, невозможно тоже. Воспоминания — это либо ангелы, либо демоны, которые сопровождают душу до самой смерти, лишая ее покоя.

Дама из высшего света, вращавшаяся в нем когда-то и имевшая успех, приобретает некую особую манеру держаться в обществе, даже если это общество состоит лишь из ее кучера и камеристки. Движения этой дамы безукоризненны, спина остается прямой при любых обстоятельствах, тон, которым она говорит, всегда ровный, а в одежде нет ни единой небрежной детали. Даже веер, который она держит в руке, живет светской жизнью, общаясь на равных только с флаконом духов, который висит на тончайшей цепочке на браслете у дамы и тоже прекрасно осознает свое особое положение. Ведь и веер, и флакон становятся предметом вожделения мужчин, жадно следящих за ними в надежде угадать истинные чувства их владелицы. Ибо, когда тон не меняется даже в моменты чрезвычайного волнения, особым красноречием обладают жесты.

И никто ни при каких обстоятельствах не посмеет заговорить с такой дамой, как, скажем,

разговаривают с гризеткой. Даже грабитель, оставив такую даму в месте, где она не должна была бы появляться, почтительно снимет шляпу и деликатно попросит отдать ему кошелек.

Опираясь на руку своего кучера, дама вышла из кареты и, не говоря ни единого слова, скрылась в дверях мрачного дома. Но лакей, случайно подошедший в тот момент к окну, удивленно прищелкнул:

— Ого!

Дело в том, что этот дом, довольно большой, делился на два крыла. Оба помещения были абсолютно обособлены, левое крыло занимал испанский дипломат, человек угрюмый и замкнутый. Остряки говорили, что он и спать ложится в скуртуке, застегнутом на все пуговицы, и непременно с орденом Почетного легиона на шее, пожалованным ему Луи-Филиппом за особые заслуги перед Францией. Король обожал устраивать браки своих родственников, в особенности испанские браки, за что его в конце концов все возненавидели. Но зато испанский дипломат был при дворе на особом счету и даже во сне опасался забыть об этом и принять неподобающее выражение лица.

Вот со второго этажа левого крыла смазливый молодой лакей, нанятый недавно на службу к важному испанцу, и заметил, что правое крыло тоже не будет отныне пустовать. Молодой человек, который, вследствие своего возраста и приятной наружности, не мог пропустить ни одной юбки, попытался было разглядеть подробности, но тщетно. Двор был мрачный и весь зарос вековыми деревьями, которые давали огромную тень. Лучшее убежище трудно было придумать, если кто-то хотел сохранить свое инкогнито.

Лакей отчего-то разволновался и долго еще стоял, словно пытаясь выдать лбом стекло и вглядываясь в сумерки. Пока ему справедливо не указали на то, что он нанят отнюдь не бездельничать.

В это время в окнах второго этажа другого крыла зажегся свет. Дама устала с дороги и пожелала лечь спать. Перед сном она долго лежала, не смыкая век и глядя в темное окно, слушала шум дождя. Ничто не напоминало ей о том, что она в блестящем Париже. Мрачная улица, мрачный двор, мрачный сосед, о котором дама навела справки перед тем, как въехать. Все, что подобало ее положению. Изгнание и вдовство. А ведь она была еще так молода!

— Вот тебе и Париж, — грустно сказала графиня Ланина и закрыла глаза.

Она твердо решила вести уединенный образ жизни, простой и скромный, знакомства ни с кем не искать, визитов не делать, прогулки совершать исключительно в вечернее время, уже в сумерках, и ограничиться услугами одной лишь горничной, кухарки и кучера. Никаких излишеств и никакой роскоши. Жить, как подобает иностранке, вдове, имеющей тысяч десять ренты, не больше, и одну лишь карету для выездов, соответственно одну только лошадь в конюшне.

«Грехи надо искупать», — подумала Александра, засыпая.

Буквально через месяц о ней уже говорил весь Париж...

...В фойе Итальянской оперы, как всегда, было не протолкнуться. Давали «Дона Паскуале», этот хоть и спорный, осуждаемый всеми за легкомыслие сюжета, но, безусловно, очередной шедевр маэстро Доницетти. Итальянцы давно и прочно вошли в моду еще при восхитительном Россини, который хоть и не проявил себя как директор театра, но зато написал в Париже «Вильгельма Телля», тем самым доказав, что он истинный парижанин, а национальность по рождению значения не имеет.

После того как Реставрацию сменила Июльская монархия и на французский трон взошел

король-гражданин Луи-Филипп, для Итальянской оперы в Париже наступили счастливые времена. Она была в меру легкомысленна, соответственно моменту демократична и богата на сюрпризы. Чего еще надо публике, ищущей в первую очередь развлечений и жадной до зрелища? Именно у Итальянцев подобралась блестящая труппа, поэтому сюда устремились все лучшие композиторы Европы, сказав: «Вена подождет».

Итальянский театр по праву считался самым элегантным, поэтому не бывать там значило прослыть провинциалом, человеком, отставшим от моды и от жизни.

Для парижской знати театр давно уже стал святилищем, для посещения которого, так же как и для визитов в церковь, существовали определенные дни. Так, к Итальянцам было принято ходить по вторникам, четвергам и субботам. В воскресенье высшее общество театр игнорировало. Воскресный день в Париже принадлежал черни, она заполняла улицы, забивала кафе на бульварах, до отказа заполняла галерку и даже просачивалась в партер. Предприимчивые дамы из высшего общества, с не столь безупречной репутацией, именно воскресный день сделали приемным, дабы их салоны до отказа заполнялись знатными гостями. Все равно по воскресеньям в театр никто не ездил.

Хорошим тоном считалось иметь у Итальянцев ложу, где сидели дамы и делали вид, что слушают оперу. Мужчины же этим не утруждались, они переходили из ложи в ложу, словно пчелы, собирающие мед со всех сколь-нибудь привлекательных цветков. И сами источали медовую лезть, а порою больно жалили, в основном, конечно, своих соперников. Но доставалось и дамам. Предметом обсуждения были их внешность и туалеты. А также любовники.

В тот вечер группа молодых людей задержалась в фойе между первым и вторым действием.

Эти господа являлись самыми завидными женихами во Франции, поскольку все они были хорошего рода и богаты. Браки в Париже устраивались в Опере, не в церкви. Где, как не у Итальянцев, можно было разузнать, каково на самом деле приданое невесты и есть ли средства у жениха? По тому, кто вхож в ложу, скажем, графини де Боань, можно было с уверенностью сказать, будут ли приняты новобрачные в аристократических салонах Сен-Жерменского предместья, где томятся сторонники изгнанного короля? Или же путь этой супружеской пары лежит напрямик в предместье Сент-Оноре, где теперь селились лишь те, кто поддержал короля нового, которого еще называли королем-гражданином. Между кланами «старых» и «новых» придворных шла непримиримая война, они друг с другом едва раскланивались, и, прежде чем жениться, молодой человек из общества должен был выяснить, каковы политические симпатии родителей его невесты? А для этого стоило поехать к Итальянцам.

Но сегодня предметом обсуждения блестящей молодежи было не это. Не политика, не одна из первых красавиц высшего света герцогиня К* и ее гости. И даже не ее новый любовник, поскольку старого она недавно бросила. Речь шла о даме, которая вот уже месяц являлась главной загадкой Парижа.

— Сегодня вторник, — констатировали молодые люди, собравшись в фойе. — Она появляется здесь по вторникам и субботам, и никогда по четвергам. И еще ни разу ее не видели на Елисейских Полях, на прогулке. Хотя, быть может, она предпочитает Венсенский лес? Надо подкупить ее кучера.

— Я, пожалуй, спущусь в партер, — взволнованно сказал белокурый маркиз де Р*. — Она сидит в ложе бенуара, достаточно глубокой, чтобы там спрятаться. Я пытался разглядеть ее из бельэтажа, со второго яруса, но тщетно. Хотя

у меня в руке был бинокль. Но он не может передать все очарование красоты этой таинственной незнакомки.

— И не поможет с ней заговорить, — подхватил молодой герцог Б*. — Но другого средства определить, кто она такая, увы, нет. Только как пытаться разглядеть ее в бинокль. Это, безусловно, дама из высшего общества, так почему она нигде не бывает? А главное: почему прячется?

— Я разглядел только роскошные волосы медового цвета и восхитительные плечи, — возбужденно сказал маркиз. — Она, определенно, иностранка. В Париже нет таких красок, это, скорее, краски Севера. Но для северянки тон ее кожи слишком теплый. Эта дама похожа на солнце, которое восходит поутру из пены облаков. Оно не опалает, но ласкает. Мне бы хотелось разглядеть ее во всех подробностях.

— Берегитесь, Анри! — рассмеялся герцог, который, в отличие от приятеля, уже был помолвлен. — Вы, похоже, успели влюбиться, причем в облако, окутывающее мраморную статую. А вдруг на ней трещины? Вдруг она прячет в глубине ложи свои бородавки?

— Я сейчас это проверю! Господа, я иду в партер!

Ложа бенуара, в которой сидела таинственная незнакомка, располагалась в самом низу, даже ниже, чем партер. Дама, похоже, увлеклась происходящим на сцене, поэтому облокотилась на барьер и подалась вперед, слушая восхитительный квартет: «*Voglio, per vostra regola!*»*. Дон Паскуале собрался жениться, и только что был подписан брачный договор. Старик еще не знал, что это не более чем шутка и договор фальшивый. Его убеждали племянник Эрнесто, его любовница Норина и друг Малатеста. Этот квартет так заинтересовал таинственную даму, что она выдвинулась из глу-

* К вашему сведению, я требую!

бины своей ложи, облокотилась на барьер и дала маркизу себя рассмотреть.

Они встретились взглядами, и маркиз учтиво поклонился. Дама вынуждена была ответить. Между вторым и третьим действием взволнованный маркиз сообщил приятелям о своем открытии:

— Инкогнито белокурой дамы раскрыто, господа! Она действительно иностранка, русская графиня Ланина. Я был представлен ей года три назад, в сезон рождественских балов. Тогда она еще не была в трауре, а ее муж, как все говорили, был сказочно богат.

— Выходит, она богатая вдова?

— Богатые вдовы, Поль, ведут себя иначе. Но скоро я все разузнаю. Графиня мне кивнула, давая понять, что узнает меня. Следовательно, я могу с ней заговорить.

— Вы пойдете к ней в ложу без приглашения?!

— Нет, но я могу подойти к графине в фойе. И попытаться возобновить знакомство.

— Если вы сумеете стать ее любовником, Анри, вам будет завидовать весь Париж! Обещайте, что с полудня графиня будет принимать ваших друзей в своем будуаре, ее красота вполне ей это позволяет, что вы устроите блестящий салон, и мы наконец собьем спесь с этой невыносимой мадам де Боань! Лучшие остроты мы будем приберегать для русской красавицы и ездить к ней чаще, чем к другим. Графиня де Боань в конце концов останется в гордом одиночестве.

— Поль! Вы помолвлены с ее племянницей!

— Да, но это не обязывает меня пять раз в неделю выслушивать колкости, которыми графиня осыпает своих мнимых врагов! По-моему, она ищет интригу там, где ее нет, я боюсь, как бы она и мой брак не расстроила!

— Да уж, характер у мадам де Боань стал невыносимый с тех пор, как жители Сен-Жер-

менского предместья перестали бывать при дворе! Она возненавидела всех, кто имеет влияние на нового короля и на политику!

Сойдись во мнениях насчет характера графини де Боань, молодые люди наконец разошлись. Герцог Б* отправился в ложу к своей невесте, а маркиз де Р* в засаду, поджидать, когда графиня Ланина покинет свое убежище и появится в фойе. Ждать ему пришлось недолго. Видимо, счастливый финал графиню не интересовал. В половине десятого она, так и не дослушав оперу до конца, выскользнула из бенуара и попыталась незамеченной пробраться к выходу. Но маркиз был начеку.

— Мадам, я вижу, вы меня узнали, — как можно учтивее поклонился он, боясь спугнуть такую пленительную дичь. Маркиз уже начал охоту.

— Прощу простить мне мою спешку, сударь, но меня с утра мучает мигрень. — Александре не терпелось от него избавиться, она уже жалела, что ответила на поклон, признав, таким образом, их знакомство.

— Я вижу вы в трауре.

— Да, я теперь вдова. Поэтому веду уединенный образ жизни.

— Но при вашем состоянии и вашей красоте это можно счесть неприличным.

— У меня больше нет состояния, — грустно улыбнулась Александра. — Я изгнанница.

— Тогда тем более, мадам! — с энтузиазмом подхватил маркиз. — Вам не стоит прятаться! Хотите, я опять введу вас в лучшие парижские салоны? Там вы без труда составите блестящую партию. Вас подзабыли за те годы, что вы здесь отсутствовали, но быстро вспомнят, я в этом уверен.

— Благодарю, но замужество меня не интересует, — довольно сухо сказала графиня. — Вам не кажется, что наш разговор вышел за рамки приличия? Я вынуждена вас оставить...

— Но хоть чем-то я могу вам помочь, мадам? — жалобно воскликнул маркиз, чувствуя, как дичь ускользает. И судьба над ним сжалилась.

— У меня и в самом деле есть небольшое затруднение, — вдруг улыбнулась графиня. — И вы первое знакомое лицо, которое я увидела в Париже, к тому же вы со мной заговорили. Пожалуйста, я доверю свое дело вам. О нет, оно не касается финансов! Я ищу одного своего родственника, но не знаю, как приступить к этому делу. К кому обратиться? Я плохо знаю местные нравы и боюсь совершить ошибку. Мне вовсе не хочется, чтобы меня отсюда выслали, потому что мне больше некуда податься. Что вы мне посоветуете?

— Ни полиция уголовная, ни полиция политическая вам здесь не помогут, мадам. Административные лица слишком дорожат своим местом. К тому же вы иностранка. Вот если бы речь шла о покушении или о крупной краже... — При этих словах графиня Ланина еле заметно вздрогнула. — Тогда вся парижская полиция была бы к вашим услугам. Главное их занятие — это разоблачать заговоры. На нашего короля уже было совершено два покушения, причем в последний раз пуля пролетела буквально в сантиметре от головы монарха. За это дело полиция ухватится тут же, чтобы предотвратить какую-нибудь очередную *революцию*. Но частное дело, такое, как поиск родственника... — маркиз с сомнением покачал головой. — Нет, за это не возьмется никто. Вас вряд ли выслушают до конца, если вдруг вы вздумаете поехать со своим делом в префектуру.

— Но что же мне делать? — погрустнела Александра.

— К счастью, я близко знаком с министром, мы с ним в родстве, хоть и дальнем, а министр может надавить на префекта. Есть тайные агенты, которые отошли от дел, но не прекратили свою деятельность.

— Как это понимать?

— После переворота многие, кто процветал при Карле X, остались не у дел. Иначе говоря, вышли в официальную отставку. Но их ценность для государства не вызывает сомнения. На службе они больше не состоят, но занимаются сбором информации.

— А! Так это шпионы! — сообразила Александра.

— За деньги они душу дьяволу готовы продать, поскольку вечно нуждаются в средствах.

— Что ж... Я готова заплатить. Видите ли, маркиз, мое дело связано с наследством... И я надеюсь не только вернуть эти деньги, но и поправить свое положение. Поэтому в обещаниях не стесняйтесь.

— Понимаю. Я уверен, вам можно помочь, — внимательно посмотрел молодой человек на свою собеседницу. — Вы найдете того, кого ищете, — со значением сказал он. — Через три дня я дам вам ответ. Где я могу вас встретить?

— Я обычно гуляю в Булонском лесу с девяти вечера, либо с десяти, если еду в этот день в театр, и дышу свежим воздухом почти до полуночи. С некоторых пор я люблю одиночество, поэтому и не езжу туда днем.

— Хорошо, — кивнул маркиз. — Встретимся там, и я сообщу вам, что мне удалось сделать.

— Я вам так благодарна! — графиня наконец улыбнулась, уже без печали, как человек, который получил надежду.

Маркиз тоже просиял. Дичь не дала себя подстрелить, но и не спряталась в лесу. У молодого человека тоже появилась надежда. Надежда на то, что знакомство с прекрасной графиней станет более близким. В самом деле, лакомый кусочек, молода, красива, да к тому же вдова. Богатый старый муж больше не будет никому мешать. Маркиз прекрасно помнил это пугало: весь вид графа Ланина не оставлял сомнений в том, что он не просто ревнивец, каких много. Влюбленный по уши

